

Из писем свт. Игнатия Брянчанинова

Из писем свт. Игнатия Брянчанинова

В этих письмах свт. Игнатия даются важные советы относительно борьбы с пристрастием к определенному человеку и намечаются пути стяжания душевного мира.

- [Письмо 248.](#)
- [Письмо 249.](#)
- [Письмо 250.](#)
- [Письмо 251.](#)
- [Письмо 254.](#)
- [Письмо 255.](#)

Письма

- **Письмо 248.**

К брату, занимающемуся умною молитвою. Письмо относится исключительно к душевному состоянию инока Леонида, отнюдь не к другим. О присущей ему способности посвятить сосуд свой таинствам Духа, возвыситься к Божественной Истине. Значение заповедей Господних, молитвы и покаяния. Изречение святых отцов о страстях, грехе, смирении в горестях и болезнях. О молчании. О необязательности затвора для духовного воспитания подвижника.

Сердце мое говорит больше, нежели сколько может выразить слово. И странно! Едва сердце мое захочет начать беседу с тобою, как впадает в него ощущение молитвы, уносит меня в тот мрак, который служит закровом Богу, светом для разумных Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо — забыть человека в Боге, потому что помнит его Бог. Хорошо — быть мертвым для человека в Боге; это — истинная жизнь, жизнь — Духом. Дух и мертвит и живит. Разумевающий да разумеет, а от недостойного да скроется слово духовное в неприступном для плотского ума свете своем. — Отсюда, из мрака или с неба — назови как хочешь — смотрю на тебя. Утешаюсь тем, что ты захотел принести сосуд свой в служение Богу, — не на другое служение, временное, пустое, тленное. — Благословляю за это Бога, славословлю Его! — Взгляни: человек, отовсюду ограниченный человек, сколько придумал, сделал вещей для удовлетворения многообразным нуждам и прихотям своим! — Несравненно удивительнее Премудрость Всепремудрого и Всемогущего Бога в уготованных Ею бесчисленных, разнообразных сосудах разумных. Каждый сосуд — с отдельною, ему собственно принадлежащею способностью! Всякий сосуд — вместилище какого-нибудь особенного духовного дарования. Иной способен к служениям, совершаемым телом; иной — с способностью созидать души словом Истины и Духа, — другой со способностью управлять людьми, устраивать их; иной — с способностью доставлять обществу людей нужное для временного их существования — пищу, одежду, дома и тому подобное. Твой сосуд — для Таинств Духа. Дух Божий — Свят, — почивает только в чистых, святых. Вычистить Истиною, — не человеческою, глупою истиною, — Истиною Божественною, сошедшею к человекам с неба, хранимую для людей во святом Евангелии. Она говорит: Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Этот покой — место Духа Святого: В мире, — говорит Писание, — место Его. — Свойство Божественной Истины — очищать, освобождать. Сказал Господь: Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете и уразумеете Истину, и Истина свободит вы (Ин. 8:31, 32). Он молился Отцу о учениках

Своих: Святи их (т.е. запечатлей Духом Святым) во Истину Твою: Слово Твое Истина есть (Ин. 17:17). А ученикам Своим сказал: Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам (Ин. 15:3). Посему желающий уразуметь Истину, быть очищенным, освобожденным Ею, должен изучать разумом и деянием евангельские заповеди, хотя бы это и было сопряжено с насилием сердца, стяжавшего грехопадением богопротивные наклонности и влечения. В заповедях — истина; в заповедях — смирение; в заповедях — любовь; в заповедях — Дух Святой. Всё это засвидетельствовано Писанием. Вся заповеди Твоя Истина, — воспевал Боговдохновенный Давид; имеяй заповеди Моя, — сказал Господь, — и соблюдаяй их, той есть любяй Мя (Ин. 14:21). Будете в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей (Ин. 15:10, 11). Глаголы, яже Аз глаголах, Дух суть и Живот суть (Ин. 6:63). К тому, кто исправлен, предочищен Истиною, приходит Дух Святой как Дух Истины, неожиданно, непостижимо проникает в ум, душу и тело, обновляет, возрождает человека в жизнь духовную. Привлекох Дух, яко заповеди Твоя желал (Пс. 118:131). Евангельские заповеди да будут предметом твоего учения, размышления, деятельности всей жизни. Иже будет во Мне и Аз в нем, чрез соблюдение евангельских заповедей, — сказал Господь, — той сотворит плод мног. Напротив того: Без Меня не можете творити ничесоже, то есть никакой духовной добродетели. Добродетели же свойственные не имеют никакой цены пред Богом, подлежат огню геенскому. Аще кто во Мне не пребудет соблюдением евангельских заповедей, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огонь влагают, и сгарают, — несмотря ни на какие добродетели естества падшего. — В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное, — это знаешь; находишься в состоянии ветхости и потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! Но имей душу свою честну, по примеру святого апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволяй себе ожидания благодати: это — состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нём: это твое дело. А Бог сделает Свое дело, потому что Он верен, дал обетование и исполнит его. Благодать — Его! Дать ее — Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их ни обмывал: Судия твой — Бог. — Мне понравилось служение твое родителю твоему. Пусть причиною этого служения будет не союз крови, а заповедь Великого Бога, сказывающего: чти отца твоего и мать твою, и благо ти будет. Повсюду замени плоть и кровь Христом. Он отделит тебя от земли и вознесет к Себе на Небо. Выписываю для тебя некоторые изречения святых отцов:

«Брат спросил Великого Сисоя: как мне спастись, как угодить Богу? — И отвечал ему старец: Если хочешь угодить Богу — отступи от мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись с Богом посредством молитвы и плача, и найдешь покой в этом и будущем веке».

«Сказал Великий Варсонофий: если оставишь попечение о всякой вещи, то это приблизит тебя ко граду. Если не будешь вменять себя в человеках — это вселит тебя во град. А если умрешь от всякого человека — этим наследуешь град и его сокровища».

«Брат спросил авву Пимена: что мне делать со страстями, смущающими меня? — Старец отвечал: будем плакать пред благостию Божиею, доколе Бог не сотворит с нами Своей милости».

«Другой брат спросил того же великого Пимена: что мне делать с грехами? — Старец отвечал: хотящий очиститься от соделанных им грехов, плачем очищается от них, и хотящий сохраниться от впадения в новые грехи, плачем сохраняется от них. Это путь покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые говорили: плачьте, потому что другого пути, кроме плача, нет».

«Великий Пимен говаривал: начало зол — рассеянность».

«Он же говаривал: если человек во всяком обстоятельстве будет обвинять себя самого, то везде устоит».

«Еще он говорил: если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

«Написал святой Иоанн Лествичник: исходящий телом, но неисходящий словом — кроток, весь — дом любви».

«Он же написал: затворяй дверь келий для тела, дверь языка для разговора, и внутреннюю дверь для духов лукавых».

Следующую заимствую из 41-го слова святого Исаака Сирского, сокращая: «Более всего возлюби молчание, потому что оно приблизит тебя к плоду. Слова недостаточны, чтоб поведать о нём. Сперва понуди себя молчать; тогда от молчания родится в нас нечто, которое наставит нас молчанию. Да даст тебе Бог ощутить нечто рождаемое от молчания. Если начнешь жить этим жительством, — не знаю, сколько свету возсияет тебе отсюда. Не подумай, что поведваемое молчание дивного Арсения было следствием его свойства естественного. Нет! Он сперва понуждал себя к молчанию. При этом жительстве рождается в нас множество слёз и видение чудное. Велик человек, имеющий в душе обычай молчания. Молчание вспомоществует безмолвию. Нам, живущим между многими, невозможно избежать встреч с людьми; даже равноангельский Арсений, возлюбивший более всех безмолвие, не змог устранить от себя встречи. Невозможно не встречаться с сожителемствующими нам отцами и братьями — и нечаянно, ходя церковь, и при других случаях. Видя это, достоблаженный муж приучил себя, наставляемый благодатию, ко всегдашнему молчанию». — В 20-м слове святой Исаак научает инока говорить, обращаясь к душе своей так: «В безумии прожил ты жизнь твою, срамнейший человек, достойный всякого наказания. По крайней мере сохранись в этот день, оставшийся от дней твоих, истраченных вотще, скудных делами благими, богатых делами злыми. Изшел ты из мира таинственно, вменился мертвым ради Христа; не оживай снова для мира и для всего того, что принадлежит миру, — предварит тебя покой, ты будешь жив о Христе. Готовься и приготовься ко всякому поношению, ко всякой досаде, поруганию и укоризне от всех. Прими это с радостью, как точно достойный того, претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, скорбь и беду от бесов, которых волю ты совершал. Потерпи всякую нужду и горести естественные! Претерпи с упованием на Бога лишение телесных потребностей, долженствующих чрез краткое время превратиться в гной. Подклони выю всему этому в надежде на Бога, не ожидая ни от кого другого избавления или утешения, но возверзи на Господа попечение твое и во всех искушениях осуди себя самого как причину их. Не соблазнись ничем, не укори никого из оскорбляющих тебя, потому что ты вкусил от запрещенного древа и стяжал различные страсти. С радостью прими эти горькие врачевства: пусть они потрясут тебя немного — и ты впоследствии усладишься. Увы тебе! Увы твоему смрадному тщеславию! Душу твою, исполненную всяких грехов, ты оставил без внимания, как бы не подлежащую никакому осуждению, а занимался осуждением других, осуждал их и словами и помышлениями...» Феофил, Патриарх Александрийский, посетив безмолвников горы Нитрийской, спросил их авву, великого угодника Божия: «Что нашел ты на пути иноческой жизни особенно важное?» Духоносный старец отвечал: «То, чтоб во всём обвинять себя и непрестанно укорять себя». — Преподобный Пимен Великий называл самоукорение той сваею (бревном, вбиваемым в землю), к которой привязывают ладю душевную во время бури. — Вот образцы и свидетельства подвигов, тебе свойственных, могущих принести душе твоей обильную пользу, доставить тебе прочное духовное воспитание. Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига. Самые падения, не видимые ближними, видимые и ведомые Богу и совести, падения ума и сердца послужат к пользе, соделывая тебя искусным в борьбе со грехом, открывая тебе всю немощь человека. Подвижник, воспитанный между

людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностью духовною, исполнен смиренномудрия, для ближнего — пристанище, сокровище. Он подобен дереву, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам; такие деревья глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив того, питомец затвора и уединенной пустыни подобен цветку и дереву, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность: при малейшем ненастье он уже страдает; ненастье немного посильнее — он умирает. Совершенное уединение, по правилам духовного закона, дозволяется только тем, на подвиг которых, как выражается св. Иоанн Лествичник, низошла благодатная роса Святого Духа. Для таких точно — полезно, нужно строгое уединение, чтоб при помощи его свободно предаться учению и водительству Духа, о чём говорить ныне не время. — Мы еще не довольно знакомы... Говорю так, чтоб не сказать: ты еще мало знаешь меня. Поэтому нужно нам условиться. Если я и недостойн называться человеком, имея в себе много скотского и бесовского, то ты, по любви твоей ко мне, припиши мне достоинство человека или, по крайней мере, достоинство разумной твари, хотя и запечатленной горестным грехопадением. Сын Божий называет Себя в Евангелии Сыном Человеческим. Бог явившись между людьми, не принял на Себя никакого выдуманного падшими людьми титула, — именуется Себя наименованием, данным нам Богом, Который пред нашим сотворением совещался Сам в Себе таинственно: Сотворим человека. Сын Человеческий!.. Как мне нравится это наименование! Какое прекрасное наименование! Смирненное и возвышенное наименование! Как наставительно и утешительно звучит в ушах моих!.. Люди не захотели этого наименования, им понадобилось: высокопреподобие, высокоблагородие... Какая бессмыслица! И поведение их, подобно именам, сделалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, в которой гордое в соединении с глупым. На конверт, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу; но в письме будь, как человек с человеком, как сердце с сердцем — пред очами Всесвятого Бога. Пусть сердце твое беседует со мною просто, искренно; каждое слово твое пусть будет для истины. А Бог! — Будет, как и есть, свидетелем бесед наших, которых причина и цель — Он, и наше в Нём спасение. — Назначение этого письма — удовлетворить не общей, а частной нужде, твоей нужде; оно написано под влиянием твоего душевного состояния. Это не универсальное лекарство — частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его с бумаги в сердце; ты пей из этой чаши здравие душевное; а другим она может принести только недуг, послужить поводом к пустым суждениям, пересудам, к зависти, к составлению ложных догадок и мнений. Скрой от всех письмо, строки, букву; пусть способные читать сердцем и умом прочитают в твоём поведении и прославят Бога, хотящего, чтоб все люди спаслись, пришли в познание Истины.

[Вернуться в начало>>>](#)

• Письмо 249.

К брату, занимающемуся умною молитвою. Душевные бури - добрый признак; путем внутренней борьбы достигается мир духовный. Божия правда - правда Креста. Идущий монашеским путем должен быть один, умереть для людей, чтобы убить в себе кровяную любовь; после обновления придет истинная, духовная любовь к ближним. О необходимости чтения писаний отцов Восточной Православной Церкви

Первое письмо твое от 7-го сентября я получил. Уже много было написано в ответ на него в письме моем от 5-го. И поэтому я положил себе: дождаться ответа и тогда на два твои письма отвечать вместе — что Бог вложит в мое недостойное сердце, у которого в распоряжении едва пишущая от слабости рука. Я постоянно болен и хил, в особенности по зимам; ныне же добавок принимаю лекарство, которое врачует боли, но ослабляет силы. — Думал я написать некоторые подробности о духовном делании, тебе идущем. Останавливаюсь исполнить это до

другого времени; спешу, получа второе твое письмо, способствовать сколько-нибудь, с Божиею помощью, восстановлению в тебе нарушенного спокойствия душевного. И ты просишь меня поспешить ответом. — Иди скоро, — сказал Господь Моисею, внимавшему Его Тайнственным учениям в уединении, на вершине горы Синайской, в уединении мрака, произведенного нисшедшими на гору небесными облаками: Сними отсюда, беззаконноваша бо людие твои, ихже извел еси из земли Египетския: преступиша с пути скоро, егоже заповедал еси им: сотвориша себе телца, и поклонишася ему, и пожроша ему (Исх. 32:7, 8). Знай, что человек, когда находится вне состояния мира, находится в состоянии неправильном по отношению к закону Христову, в состоянии самообольщения и заблуждения, в кумиротроении. — Смотри на кипящие в тебе волны — и нет от них никакой печали в моем сердце; они не устрашают моего сердца; не приводят его в сомнение. Мое сердце спокойно; мало того — оно ощущает утешение духовное. Отчего бы это было? — Мое сердце — чувствительно по природе; оно не может быть холодным и равнодушным. Скажу тебе, отчего: в нём действует с убедительностью извещение, что к тебе милость Божия. Вышло такое определение о тебе от горнего Престола Царя царей. Не усташись бурь, не ослабей от них: они — признак добрый. Тебя скоро осенит помощь Божия; на весы твоего сердца положится тяжеловесное духовное сокровище, отчего противоположная чаша, земных скорбей и утешений, сделается без весу. Поверь моему сердцу!.. Не знаю, стоит ли оно доверия, но уверяет так сильно, что я, оставя всякое соображение и умствование, пишу — что внушает мне, велит писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебе Всеблагим Богом, тебя ожидающую. Но Он, Многомилостивый и Всепремудрый, попускает тебе сперва потрудиться в волнах, чтоб ты утомился, умучился в борьбе с ними — дал цену пристани. Человек не дает должной цены тому, что достается ему ценою слишком дешевою. Не была ли пристань — рай? И этой пристани человек не дал цены, был недоволен ею — захотелось большего, несбыточного!.. Получив твое письмо, я прочитал его; спустя несколько часов прочитал еще раз и, когда сердце мое отделило шум слов и выражений от голоса души, взял перо, обмакиваю его больше, кажется, в сердце, чем в чернила, — отвечаю тебе. Прости мою нескромность, которую позволяю себе для твоего ободрения: меня объемлет невыразимое духовное, просветительное утешение, поглощающее в сладости своей мой ум, содействующее вдохновенным мое сердце. Из среды этого утешения пишу к тебе... И ныне, Израилю, послушай оправданий и судов, елика аз учу вас днесь делати, да поживете и умножитесь, и вшедше наследите землю, юже Господь Бог отец ваших дает вам в наследие, — говорил Израилю его законодатель — Боговидец (Втор. 4:1). — Пишет к тебе искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями, — хотя и доселе неискусный, — искушаемый скорбями многими с того самого времени, как только себя помнишь. Много я страдал! — страдал наиболее из-за своей пламенной крови, из-за своей пламенной любви к ближнему, любви, соединенной, казалось мне, с чистым полным самоотвержением, из-за расположения к справедливости, чести, из-за своего плотского разума. И теперь должен смотреть и смотреть за своею кровию; без этого она как раз похитит у моего сердца святой мир, отнимет меня из водительства Святого Духа, предаст водительству сатаны. — Знай; Бог управляет миром; у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она — грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою всесвятую правду, правду Креста, — Ею отверзает нам Небо. Ему благоугодно, чтоб мы входили в Царство Небесное многими скорбями. Образ исполнения этой правды Бог подал Собою: Он, вочеловечившись Единою из поклоняемых Ипостасей Своих, подчинил Себя всем разнородным унижениям и оскорблениям. Святейшее лицо Его подверглось заушениям и заплеваниям. Не отвратил Он от них лица Своего. Он вменился с беззаконными; в числе их, вместе с ними, осужден на поносную, торговую казнь, предан ей; — какими же людьми? — гнуснейшими злодеями и лицемерами. — Все мы безответные пред этой всевысшею Правдою; — или должны ей последовать, или к нам отнесутся слова: Иже не примет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин... Иже несть со Мною, на Мя есть (Мф. 10:38; 12:30). Против правды Христовой, которая — Его Крест, вооружается правда испорченного естества

нашего. Бунтуют против креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови; а им надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь ко кресту — весь из бед, поношений, лишений; они не хотят идти по этому пути; они — горды, они хотят процветать, величаться. Понимаешь ли, что плоть и кровь — горды? Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь, — как они напыщенны и надменны! — Не без причины поведаны нам нищета и пост! Не утрашись слов моих: они по наружности, с первого взгляду, — страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совет мой — и обретешь мир, исцеление сердцу твоему. Твое расположение к Н. болезненное. Воню твоего сердца обонял я, бывши у вас в обители: потóm при получении первого письма твоего; во втором же письме душа твоя сама сознаёт его: болезнует, мучится, мечется, стонет. Писал я тебе, свидетельствуясь деланием и учением святых отцов, что желающий перейти из плотского сословия в духовное должен умереть для всех человеков. — Какая смерть без болезней! При свидании я тебе сказал: «Ты должен быть один». Сердце твое, ум сознали справедливость произнесенного; но услышала кровь твоя приговор смертный на нее — и ужаснулась. Я понимал это; — не остановился, не останавливаюсь сказать истину, необходимую для твоего спасения и преуспевания. Услышь, услышь голос грешника, слово грешника, голос и слово, избранные Богом в орудие твоего оживления в Духе, — и, хотя б то было с пролитием кровавого пота, исполни их. Мечом и луком твоим отними у аморреев землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Иосифу — Христу. Так сделал прообразовательно святой Патриарх Иаков (Быт. 48:22). Землю — называю твое сердце; аморреями — кровь, плоть, злых духов, завладевших этою землею. У них надо отнять ее душевным подвигом, т.е. деланием умным и сердечным. Как и чем исцелить твое болезненное расположение? Ты веришь Спасителю? Ты веришь словам Его? — Он сказал: Вам и власи главнии вси изочтены суть (Мф. 10:30); так бдителен, заботлив до мелочной подробности Промысл о нас Всеблагото Бога нашего! Бог, столько о нас заботящийся, имеющий на счету все волосы наши, смотрит: первомученика Стефана побивают камнями — и не препятствует убийству. — Зрит: апостолы умирают ежедневно, страдают непрестанно, оканчивают земное течение свое насильственной смертью. — Взирает: и тысячи, тысячи тысяч мучеников претерпевают отсечение, строгание, ломание членов, продолжительное заключение в смрадных и душных темницах, убийственные работы в рудокопиях, сожигание на кострах, замерзание в озере, потопление в водах. — Он смотрит: иноки совершают невидимое мученичество в борьбе с плотию и кровию, с духами нечистыми, с людьми — любителями мира, с бесчисленными лишениями телесными и душевными. На всё это Он, Человеколюбец и Всемогущий, взирает. От всех скорбей Он мог бы избавить избранных Своих, но не делает этого; — возвещает рабам Своим: В терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21:19)... Претерпевый же до конца, той спасется (Мф. 24:13). Кто ж поколеблется, о том не благоволит душа Моя (Евр. 10:38). Просили сыны Зеведеевы у Господа престолов славы; Господь даровал им чашу Свою. Чаша Христова — дар Христов, подаваемый Им любимым Его, избранным Его. Чаша Христова — условие, залог вечного блаженства. Чаша Христова — страдания. По сему познаётся, говорит Исаак Сирский, «особенный Промысл Божий над человеком, когда этому человеку пошлются непрестанные скорби». В заключение употребляю слова апостола Петра: Темже и страждущии по воли Божией, яко верну Зиждителю да предадут души своя во благотворении (1 Пет. 4:19). Основываясь на вышесказанном, утверждаю: Н. под особенным Промыслом Божиим; всё совершающееся над ним — пред взорами Бога, по поущению Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидел Бога в Промысле Его и управлении Его?.. Благоговейно отступи, ничтожная пылинка, останови руку, дерзостно простирающуюся с рукою Божиею к образам правления судьбами человека! — Остановись!.. Вытрезви твой ум, упоенный порывами, волнением крови: больное твое сердце представило тебе Бога, покинувшим бразды, Ему Единому принадлежащие, — забывшим свое святейшее обещание... Приступи же к врачеванию прокаженной и расслабленной, беснующейся души твоей. Опираясь на веру, на живую веру, ежедневно вставай — сперва по несколько раз в день, раза три и четыре — в течение краткой минуты на

колени, говори Господу: «Господи! Н., которого я думал так любить, думал так уважать, — называл, обманываясь, моим, — Твой, Твое создание, Твоя собственность. Он Твой — Всеблаготворца и Владыки своего! Ты Всеблаг: хочешь устроить для него всё благое. Ты Всесилен: всё можешь для него устроить, что ни восхощешь. Ты Всепремудр: путей Твоих духовных, судеб Твоих исследовать, постичь человеку невозможно... А я — кто? Пылинка, горсть земли, сегодня существующая, завтра исчезающая, какую могу принести ему пользу? — Могу лишь более повредить ему и себе моими порывами, которые кровь, которые грехи. Предаю его в Твою волю и власть! Он уже есть, всегда был в Твоей полной воле и власти; но этого доселе не видел слепотствующий ум мой. Возвращаю Тебе Твое достояние, которое безумно похищал я у Тебя обольщавшим меня мнением моим и мечтанием. Исцели мое сердце, которое думало любить, но которое только больно, потому что любит вне Твоих святых заповедей, с нарушением святого мира, с нарушением любви к Тебе и ближним». — И врагов нам повелено любить; и нарушение любви к ним есть нарушение заповеди, нарушение любви к ближнему. Встав с колен, повторяй несколько раз неспешно: «Господи! Предаю его, себя, всех святой воле Твоей; буди во всём воля Твоя! За всё — слава Тебе!» Когда с людьми и увидишь, что приближается к душе невидимое искушение, то повторяй мыслию вышесказанные слова. Когда видишь неустройство мира и вашего маленького мира — монастыря, повторяй слова: «Господи! Ты, Всесильный, всё это видишь; да будет воля Твоя; да совершаются недомыслимые судьбы Твои. А я — кто, пылинка, чтоб мне вмешиваться в Твое непостижимое управление!» — Сын Божий сказал о Себе: Сын Человеческий предается в руки человеческие (Мф. 26:45). Если Он, Всесвятой, предается в эти руки, — что странного, когда грешник предается в руки подобных ему грешников. Научимся говорить подобно распятому близ Христа грешнику: Приемлю достойная по делом моим; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем. И Н. должен так же поступать относительно тебя — предавать тебя Богу, Его воле, Его Промыслу. Для духовного руководства он слаб — влечется немощию. А в немощи твоей большая сила крови, красноречивой крови, восстающей против духовного закона: кто не ощутил в себе явного духовного действия, дарующего свободу, независимость, тому не выстоять против напора твоей крови. «Ты должен быть один». Для тебя сказал я это; сказал и повторяю: те, которым будешь поверять твои брани, повредятся — и, может быть, неисцельно. Мой жребий был — постоянное одиночество; — был и есть. Что делать? — Претерпим тягость уединения. Увидев его, увидев сиротство наше на земле, Дух Святой в свое, известное Ему время, придет к нам. Тогда будешь не один и порадуешься тому, что был один. Умертвите взаимное пристрастие истинным смирением, которое предложено в вышенаписанных молитвах Боговидения. Не должно вам безвременно, по влечению нежного чувства, т.е. глупой крови, учащать друг к другу. Не будь нежен! Не позволяй себе разнеживаться! Будь истинный муж! В противном случае, чтоб не постыдили нас жены, не причислили нас к женам по причине нашей слабости! Так некоторая преподобная инокиня сказала нерадивым, некрепким инокам: «Вы — жены!» Имею основание искать от тебя этого. Дай! — потому что можешь дать. Когда придут тебе помыслы ревности и нежности к Н., а ему к тебе, говорите сами себе: «Господи, он Твой! А я что?» — Когда же усилится брань, — к себе в келию и на колени!.. Подвизаясь так, вы ощутите по милости Божией исцеление от пристрастия друг к другу, которым сердца ваши лишены свободы; они в плену и оттого в муке. Время ваше и здоровье теряются в пустых смущениях и бесплодных мучениях. Когда Бог дарует вам исцеление от пристрастия и вы ощутите свободу и легкость, тогда познаёте, что настоящее ваше состояние было «искушение», было состояние ложное, а не духовное — и потому греховное, богопротивное. Малости, незаметные в мирской жизни, в монастырской делаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцельный вред, — не только остановить, прекратить всякое духовное преуспеяние, сделать жителство в монастыре вполне бесплодным. В особенности это относится к монашествующим, которым на ниве Христовой досталась в удел для возделания — умная молитва и прочие сопряженные с нею подвиги внутренние. — Краткие слова вышеписанных молитв и смиреннословия, — но которыми должно вращать чаще пред лицом души, чтоб не

успели насесть на него разные насекомые и изъязвить его, принадлежат к числу сильных и действительных орудий душевного невидимого подвига. Употребление этих и подобных орудий называется деланием, которым зиждутся стены Иерусалима душевного, — рассыпаются стены градов иноплеменников, построенные ими в сердце нашем. «Ты должен быть один!..» «Умри для человеков...» Да падут под острием меча левитов, верных Богу, их родные братья и сестры, поклонники кумира. Помыслами и чувствованиями, служителями Бога, да истребятся из души помыслы и чувствования, служители греха. Родители их одни и те же: ум и сердце; потому они — братья. Они — ближние и соседи, потому что имеют вид близкий к добру и очень к ним привязано сердце. Когда, по повелению Моисея, сыны Левия препоясали каждый меч свой на бедре и прошли по всему стану израильскому от врат до врат, убивая каждый ближнего своего и соседа своего, то сказал им Моисей: Наполните руки ваша днесь Господу, кийждо в сыне своем и в брате своем, да дастся на вас благословение (Исх. 32:29). И ты поступи так — да дастся на тебя благословение. Если же не умрешь для людей, если будешь позволять сердцу своему увлекаться, пленяться пустыми привязанностями, — всю жизнь твою будешь пресмыкаться по земле, не сподобишься ничего духовного: кости твои падут вне земли обетованной. Не утрашись ни подвига, ни сражения, ни исполинов! Не пощади, как истинный израильтянин, как истинный левит, ни братьев, ни сынов, ни дочерей, ни соседей и ближних! Не тронься сожалением к крови, убивающей вечною смертию снисходительных к ней! — За меч, Леонид, за меч! — На бой, на бой отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколе не увенчает его решительная победа! «Лучше смерть в подвиге, — сказал святой Исаак, — нежели жизнь в падении». — И что за жизнь — жизнь в грехе? Не сто́ит она названия — жизни; назвало ее Писание смертию; она — начаток смерти вечной, может быть и смертию вечною, если не умертвится жизнью о Христе. — Сколько дряхлых старцев, нежных дев, слабых детей остались победителями? — Неужели и ты позволишь двоедушию поколебать себя, выпустишь из рук победу и венец вечного торжества за цену мгновенного, мучительного колебания, которое обольстительно, насмешливо, ругательно силится представиться нам наслаждением добродетели. Не убойся твердынь греховного града: с постоянством укрепи брань твою на град, — говорит Писание, — и раскопай и (2 Цар. 11:25)... Да увижу на тебе венец победы, венец Духа, венчающий сперва главу твою, а потом и сердце! Да истекут из них источники воды живой! Из этих источников да пьешь, во-первых, сам до сытости и пресыщения; да пьют от них, и насытятся, и восхвалят Господа все, которых привлечет к тебе жажда Слова Божия. Любовь духовная ближних да вознаградит тебя сторицею за умерщвление кровяной любви. До обновления же будь один; до него соединение особенною любовью с кем-нибудь — говорю в духовном отношении — блуд. После обновления является истинная любовь к ближним, святая, духовная; она вся в Боге; она — видение духовное. Сто́ит пролить кровь, когда за нее дается безмерное сокровище — Дух. По принятии Духа человек увидит ясно: кровь — богопротивная, смрадная мерзость. И потому говорит Писание: Проклят возбраняяй мечу своему от крове. — Умри, умри! — и погребись... чтоб наследовать святое воскресение души Духом Божиим. — Как ты не должен сообщать другим своих браней и искушений душевных, так не должен выслушивать брани и искушения других. Частная тому причина: твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. Оттого твоими возмущениями очень потрясаешь других и сам очень потрясаешься от сообщаемых другими скорбей их. — Вторая причина заключается в общем правиле для всех подвижников: брани душевной невозможно обнять и объяснить естественным разумом, потому что естество наше — в падении. Для этого нужен разум духовный, т.е. явившийся в человеке от действия Духа. И потому только духовный способен выслушать брань ближнего и преподать ему спасительный совет; а держимый во мраке страстей еще не способен к этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совету святого Псалмопевца, о самых благах; — тогда уже не должно возбранять устам своим, когда в поучении ума, т.е. в непрестанно рождающихся в уме мыслях, возгорится огонь Божественный. — Пишешь: «Бросить Н. — это бросить в лице его Самогó Христа, обнаженного, изъязвленного, привязанного к столбу темничному? Не бросит ли и Он меня тогда?» — и прочее. — Видишь,

как красноречива кровь твоя. Кто не увлечется ею! Ты, как Цицерон, можешь выпросить милость у Цезаря самому ненавистному для него Аппию Милону, — как Демосфен, можешь поднять всю Грецию на Филиппа!.. Пощади немощных! Не устремляй на них твоего слова сильного!.. Пощади и немощного, так живо чувствующего и выражающего страдания других, — живее, нежели они сами! — В твои прекрасные выражения облеклись так называемые монашествующими святыми отцами — «оправдания». Оправдание — личина добродетели, которою ловитель душ наших прикрывает расставляемые им сети для ума и сердца нашего. О избавлении от оправданий мы молимся с коленопреклонением: Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, нещевати ми о гресех. Говорил святой Пимен Великий о естественной, падшей воле нашей и о оправданиях: «Своя воля человеческая есть стена медная между им и Богом, камень противуударяющий. Если человек оставит свою волю, то и он скажет: о Бозе моем преиду стену. Бог мой, непорочен путь Его. Если же к воле присоединится оправдание, то погибает человек». Твоя «своя воля»: склонность сердца к Н.; оправдания помогают твоему пристрастию; мыслишь, говоришь, по-видимому, Божественно, а мучишься ужасно, — можешь, если не примешь мер, очень повредиться, повредиться неисцельно. За простоту и искренность твоего сердца Бог посылает тебе руку помощи!.. Понимаешь ли, что сердце у тебя самое простое? Ничего в нём нет сложного. Не годишься для мира: там нужны хитрые. Ты можешь быть хитрым и скрытым только тогда, когда молчишь. Приучись к молчанию: оно необходимо тебе и для духовного подвига и для отстранения наружных, бесплодных скорбей. Твое сердце для Бога! Твое сердце для Духа Святого: Он любит почивать в сердцах простых и незлобивых. Ты и незлобив; — только тебя сбивает кровь твоя. Уйми ее смирением и молчанием. Смотри чаще на Христа: Се, Отрок Мой, — свидетельствует о Нём Отец, — Егоже изволих, Возлюбленный Мой, Наньже благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем, и суд языком возвестит: не преречет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутных гласа Его. Трости сокрушенны не преломит и лена внемшася не угасит, дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут (Мф. 12:18-21).

С помыслами никогда не должно рассуждать. Может враг представить много логического, непровержимого, склонить наш ум к принятию лукавых, убийственных помыслов, замаскированных личиною добродетели и благочестия. Пробным камнем помыслов для тебя да будет твое сердце. Как бы ни благовиден был помысл, но, если отнимает «мир» у сердца, тонко приводит к нарушению «любви с ближними», — он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай; — а то уловит и заставит вкусить от запрещенного древа; — вооружайся скорее против него, гони прочь от себя оружиями духовными: славословием Бога, благодарением Бога, преданием себя Его воле, укорением и осуждением себя, молитвою. Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келию, повергнуться на минуту пред Богом с прошением Его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день — и очень помогает. Наблюдал ли ты за умом твоим? Изучал ли — какое его свойство? У тебя ум не аналитический, который всё разбирает по частям, анатомирует и после этой работы выводит свое заключение. Большая часть умов человеческих имеют свойства анализа и по этому свойству способны хитрить, ловко устраивать дела свои, строить козни. Твой ум без работы видит, обнимает предметы. Этот ум — для духовного видения. Вот еще что заметить в нём: он с свободою, наслаждением может пасть в прах пред величием Божества; но, чтоб смириться пред ближним, ему нужен труд над собою. Почему? Потому что он по естеству своему имеет презрение ко всему подлому, пошлому, мелочному — не способен к изгибам и изворотам. Видя эти недостатки в ближнем, он презирает ближнего вместе с его недостатками. Ум твой, наставленный Евангелием, тогда смирится пред каждым ближним, когда увидит в каждом ближнем Христа. Все, крестившиеся во Христа, облечены во Христа. Чем бы и как бы они ни оскверняли себя, риза Христова, до суда Христова, — на них. Необходимо признать себя хуже всех человеков: этого требует святое смирение. Апостол не просто сказал, что он — первый из грешников; был убежден в этом. И нам надо б убедить себя: здесь предлежит работа и труд.

Бог да дарует и мне и тебе совершить его. — По причине ума твоего, по причине его отдельного устройства, от большей части других умов тебе придется понести, и, вероятно, несешь уже, некоторые скорби. Редкий поймет ум твой. Видя его сметливость и бойкость, кто поймет, кто поверит, что он прост! Бóльшая часть будет признавать тебя хитрым, с замыслами, подозревать тебя; придумывать на тебя и за тебя. Это неизбежно: аналитические умы не могут предположить даже существование ума без анализа, смотрящего просто и ясно. Видя силу ума, они приписывают ее высшей степени анализа, — признать глубокую, утонченную, обдуманную хитрость в том, кто никогда не думает, — глядит с пронизательной простотою на всё, подлежащее взорам человеческим... Извини ближних. Мы все немощны. Исполнение закона Христова и состоит в том, чтоб носить великодушно, любовно и смиренно тяготы друг друга. — Доволен я, что ты мало читал книг религиозных: лучше — скрижали неписанные, нежели исписанные бестолково. Неужели мне придется писать на твоих? — Если так, — пусть будут начертаны на них не мертвые слова человеческие, но живые — Духа. Видя твою доверенность ко мне, присваиваю себе право присылать тебе, по возможности моей, книги святых отцов, какие сочту для тебя полезным. Это «мое»; «свое» даю тебе: таково было мое поведение: я напITYвал себя и доселе напITYваю исключительно чтением отцов Восточной Церкви, тщательно хранясь, по их же святому совету, от книг, содержащих в себе лжеучения, которые содержат в себе все книги, написанные вне спасительного лона Единой Истинной Церкви. Прими «мое», когда Бог возвестил тебе желать его... Упоминаемое тобою действие, произведенное в тебе чтением описания, — какое впечатление имели на Иоанна Богослова и Мироносиц отдаленные звуки молотов, ударявших в гвозди при распятии Спасителя, было кровавое. Пойми: потрясены были нервы. Таковые действия отвергаются в духовном подвиге, называются прелестными, т.е. происходящими от самообольщения и приводящими к нему; потому что они не от благодати Божией, а собственное состояние человеческое, свойственное естеству нашему падшему, до которого дойдено напряжением воображения и чувствительности. Неопытные в духовной жизни приписывают такие состояния свои действию благодати; от сего является мнение о себе; усвоившееся мнение есть самообольщение или прелесть. Поэтому должно держать себя в состоянии ревности, тишины, спокойствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нерв. — Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову для исторжения слез: такие слезы — от потрясения нервов, кровавые, не просвещающие ума, не смягчающие сёрдца. Ожидай с покорностию слёз от Бога. Какой-то святой, невидимый перст, какой-то тончайший помысл смирения коснется сёрдца — и придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза, — кроткое спокойствие пролиется в выражение лица, соделает его ангелоподобным. Когда я дочитал в твоём письме до следующего: «...ни малейшего луча благодати или признака добра не нахожу в том, о ком так громко и много говорили люди... И ваше незлобивое сёрдце поверило молве и верно осудило в неправде мою раздражительность...» — я от души рассмеялся... Мне нужен письменный твой ответ, чтоб мне оправдаться пред самим собою. Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самогó себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась в пустыне, увязла в имени. На заботы об ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами... Христос с тобою.

[Вернуться в начало>>>](#)

• Письмо 250.

К брату, занимающемуся умною молитвою. Разъяснение понятий «плотской», «душевный», «духовный»; Необходимость уединения, безмолвия, узкого пути, самоотречения. Определение монашеского подвига «нестяжания и молчания» старцем Даниилом, аввой Арсением и аввой Макарием. Преодоление препятствий при внутреннем делании и молитве.

Люди, диавол: как следует поступать относительно тех и других. – Опасность неправильного понимания Священного Писания и последовательность чтения для новоначальных. Покаяние и борьба с помыслами и возмущениями. В случае падения не предаваться унынию, а, раскаявшись пред Богом, продолжать брань с врагом)

Как ты думаешь? — в чём недостаток, на который мог бы я особенно пожаловаться при неисходном из келий уединении моем? На недостаток времени. Болезненность и лечение пожирают у меня всё время. Лежу, лежу, лежу в бездействии, в онемении: сильное лекарство вытягивает из жил и костей застаревшую простуду, как цирюльник выдавливает кровь из припухшей пиявицы. Если, Бог даст, поокрепну, — придут занятия, которые теперь терпеливо ждут меня, — начнут отнимать время. Если возвращусь в Петербург и Сергиеву Пустынь, — там обрушатся на меня братия, друзья, знакомые, любопытные, дела монастыря и монастырей, — похитят всё время. Подумал я: теперь, в свободные минуты, мало-помалу составляю для Леонида обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий, — вместе дам ответы на некоторые статьи его писем. Мы не сходимся с тобою в понятиях при некоторых употребляемых нами выражениях; под одним и тем же словом ты разумеешь одно, я — другое. Например, под словом «духовный, духовность» ты разумеешь то, что все ныне приняли разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых отцов. Ныне книга лишь о религиозном предмете уже носит имя «духовный». Ныне — кто в рясе, тот — неоспоримо «духовный», — кто ведет себя воздержно и благоговейно, тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые отцы. Они говорят, что человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном, или чрезыестественном, и вышеестественном.

Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышеестественный, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил и обновил Дух Святой, кто будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие, точно, свет миру и соль земли, — видят себя, видят и ближних; а их увидеть может только подобный им духовный. Духовный вся востязует, а сам той ни от единого востязуется, — говорит Писание (1 Кор. 2:15). Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастье встретить одного, и донныне странствующего на земле, старца, лет около 70, из крестьян, малограмотного: он жил во многих местах России, на Афонской Горе, — говорил мне, что и он встретил только одного. Держись, как в этом случае, так и в других, терминологии святых отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков. Прости, что назову теоретиков — мертвыми! Пусть эти мертвые возьмется с своими мертвецами, т.е. с теми, которые хотят слышать слово Божие с целью насладиться красноречием, кровяными порывами, игрою ума, но не с тем чтобы «творить Слово». — Последним нужно сказать: «С какою приятностью мы слушали, — провели время», а первым нужно, чтобы об них сказал мир: «Ах! как они умно, прекрасно говорят». Не прельстись ни умом естественным, ни красноречием! Это всё — прах! Этому красноречию и этому уму сказано: Земля еси! Впрочем, я понимаю, что ты, вкусивши жизни, не можешь удовлетвориться мертвым. Прекрасно сказал Симеон Новый Богослов: «Притворяющихся добродетельными и кожей овчею, по наружности являющих одно, другое же сущих по внутреннему человеку, всяких исполненных неправды, полных зависти и рвения и сластей злосмрадия, весьма многие яко бесстрастных и святых чтут, имея неочищенное душевное око,

ниже могущие познати их от плодов их; во благоговении же и добродетели и простоте сердца пребывающих и святых сущих воистину, яко прочих от человек пренебрегают, и, презирающе их, протекают, и за ничтоже меняют. — Глаголиваго и тщеславнаго, учительным паче и духовным таковыи быти вменяют. Духом Святым вещающего, высокоумдрения и гордостию недугующие диаволею, яко высокоумдра и горда отвращаются, от словес его ужасающеся, паче нежели умиляющеся. От чрева же и учений тонкословствующаго, и противу спасения своего лгущаго, вельми похваляют и приемлют». Равным образом только те книги в точном смысле могут быть названы «духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стези вслед за святыми отцами. Ты полюбил мое: сообщая тебе, как я старался вести себя. — Написал ты мне в письме твоём: «Бегай людей и спасешься!» — был вещий глас к Арсению. Как же любящему безмолвие сносить тесноту общежития наравне с новоначальными и еще мятущимися охотно?»

Когда святой Арсений был в столице, при дворе царском, и молился Богу при встречавшемся ему искушении, не зная, что делать, то был ему глас: «Бегай человек и спасешься!» — И тебе был этот глас, раздавался он в душе твоей, когда ты жил среди многокозненного мира; ты послушался его, удалившись в уединенную обитель. Ты сделал это с простотою сердца, искренностию, простотою намерения, с малым предуготовленным знанием монашеской жизни. Тебя повстречали неожиданные скорби и недоумения! Что до того? — Бог любит тебя, хочет даровать тебе милость Свою, упрямудрить тебя — так говорил святой инок-старец святому иноку-юноше, жаловавшемуся на скорби. — Бог послал скорби; Он пошлет и утешение. Когда святой Арсений был уже в монастыре, опять молился Богу: «Господи, научи меня, как мне спастись!» Ему дан был ответ уже полнее: «Арсений, бегай людей, молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». И ты уже в обители услышал: «Приучись к молчанию», которое очень много способствует безмолвию. Уже в обители ты услышал: «Умри для людей» — то же, что и: «Бегай людей». Ты услышал: «Научись безмолвию между людьми, при посредстве душевного подвига». Арсений Великий говаривал в наставление братии из своих опытов: «Подвизайся, сколько у тебя сил, чтоб внутренним твоим деланием, которое ради Бога, было побеждено всё внешнее». — Макарий Великий, основатель и главный наставник знаменитого подвижничества Скита Египетского, в котором жил и Арсений Великий, говаривал обыкновенно братии, по окончании Божественной литургии: «Бегите, братия». Однажды старцы возразили ему: «Куда нам бежать далее этой уединеннейшей пустыни?» Великий угодник Божий показал им перстом на уста и повторил: «Бегите, братия». — Умоляю тебя: дай цену, дай должный вес деланию святых отцов, которому они научились из Божественных откровений: дай цену деланию, которое соделает для тебя удобным спасение и преуспевание; дай, хотя ты, цену деланию, — говорю с плачем и слезами, — деланию, которое ныне отвергнуто монахами, попрано ими, погребено в глубокое забвение, в неизвестность, заменено, — не знаю чем — какими-то играциями. По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе (2 Кор. 5:20), — говорил апостол. Увы! Ищу в себе самоотвержения и не обретаю его! Ищу человека, который бы решился отвергнуться волей своих и, обнаженный всякой воли, всецело захотел последовать Христу, исполнять Его волю, — и не встречаю такого человека! Тоскуют мои взоры между многолюдством как бы в безлюдной пустыне, — не находят зрелища, на котором бы остановились с утешением!.. Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую — смерть вечную!.. Путь узкий — путь самоотвержения; тесно на пути широком своеугодия! — Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада! — Есть и ныне подвижники, нет на них венцов, подобных, венцов Христовых. Венец Христов — Дух Святой. Духом Святым венчает Христос Своих воинов победителей. Ныне не нисходит Дух, потому что подвижники подвизаются незаконно. Аще и подвизается кто, — сказал апостол, — не венчается, аще не законно подвизатися будет. Никтоже бо воин бывая, — возвещает он, — обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет (2 Тим. 2:5, 4). Всё, что препятствует

самоотвержению и вводит в сердце молву, — купля житейская. Гневно взирает на нее Бог, — отвращается от воина, обязавшегося куплею житейскою! Потому святой апостол убеждает ученика своего к истинному духовному подвигу: Ты убо злопостражди яко добр воин Иисус Христов. — Говорит преподобный Исаак Сирский о подвижниках, не заботящихся об искоренении душевных страстей: «Они ничего не пожнут. Как сеющие в тернии не могут ожидать никакого плода, так и те, которые потребляют себя злопомнением и привязанностями; они ничего не возмогут совершить — лишь тщетно стонут на ложах своих от бдения и прочих утеснений. И свидетельствует о них Писание: Мене день от дне ищут и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотворившии и суда Бога Своего не оставившии: просят ныне у Мене суда праведна и приблизитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша, и не уведел еси? Во дни пощений ваших обретае воли ваша (Ис. 58:2, 3), т.е. исполняете мысли ваши, приносите их как всеожжения идолам; вы признали как бы богами лютые помышления ваши, вы приносите им в жертву самовластие ваше, честнейшее всех жертв, которое следовало бы вам освятить Мне благоделанием и чистою совестью» (Исаак Сирский, сл. 58).

Говорит святой Симеон: «Если кто преложит любовь к Жениху Христу на любовь к чему-нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будет этою любовью, тот делается ненавистным, мерзостным Жениху, недостойным соединения с Ним. Он сказал: Аз любящия Мя люблю» (Добротолубие, ч. 1-я, гл. 81). Послушай, как древние иноки глубоко уважали делания святые, какую давали им бесценную цену! Мы, омраченные, не способны даже понять этого, потому что не жили существенно, внимательно жизнью; жили как-то легко, ветрено, как бы шутя, как бы веря и не веря вечности, двоякому воздаянию в ней. «Некогда великий угодник Божий старец Даниил пошел с учеником своим из Скита в обитель горней Фиваиды, где жил авва Аполлос. Отцы, услышав о пришествии его, вышли навстречу ему за семь поприщ от обители. Их было более пяти тысяч мужей, в числе которых пятьсот знаменосных. Представилось чудное зрелище. Они все лежали ниц на песке, ожидая принять старца, как бы Ангелы ожидали принять Христа. Один из них постилал ему под ноги свои одежды, другие — клобуки свои, и источники слёз лились из очей их. Пришел отец Аполлос и, подходя к старцу, семьмкрат падал ниц пред ним, поклоняясь ему. Потом они приветствовали друг друга с любовью. Братия начали умолять старца, чтоб сподобил их услышать из уст его слово спасения. Старец не скоро начал говорить с кем бы то ни было. Они сели на песке вне монастыря. Церковь не могла вмещать их всех... Отец Даниил велел написать ученику своему следующее: «Если желаете спастись, — держите нестяжание и молчание, потому что в этих двух деланиях — всё монашеское жительство». — Написал ученик сказанное ему старцем и отдал одному из братии, который прочитал это братиям египтянам. Все пришли в умиление и начали плакать» (Патерик Скитский). Какова была жизнь старца, что он возмог всю жизнь монашескую сократить в два слова! — двумя словами положить решительные границы для ума и сердца, определить делание спасения! — Какова была жизнь братии, как души их были богаты опытами внимания себе, рассматривания себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвечали ему общим рыданием! Нестяжание — то же, что и умерщвление ко всему, — содержать в свободе сердце от всего земного; а молчание, обратившееся в навык, дает ему всю свободу непрестанно глядеть в сердце. Вот живой образ истинного безмолвника, истинного инока, мертвеца для мира, таинственного священника и архиерея, приносящего Богу непрестанную жертву глубоких, святых помышлений и чувствований, и жертву превысшего их сердечного и умного молчания, — ого таинственного мрака, за которым непосредственно — Бог. — Послушай, что Господь сказал, дай цену и вес словам Господа!.. всё для нас без цены и без весу!.. С ценою и весом только одни наши пожелания!.. Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры, и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то (Мф. 13:44). — Что за сокровище? — Дух Святой, вводящий Отца и Сына в душу. — Какое село, на котором скрыто это сокровище? — Покаяние. — Как это

село обретается? Живою верою. — Что значит радость? — Разжженная ревность к делу Божию, рождающаяся от живой веры. — Что знаменует скры? — Молчание и безмолвие. — Что значит вся, елика имать, продает, и купует село? — Нестяжание. Всё, всё надо продать, всякое пристрастие, всякую сердечную склонность, чтоб купить покаяние. Иначе оно не продается. Если удержана безделица сердцем, — не может сердце наследовать покаяния: эта безделица развлекает его. Скрыться надо молчанием, скрыться не только от людей, — если можно — и от себя. Кто же это исполнит, того — село покаяния; кто приобрел это село — того сокровище — Всесвятая Троица. О! когда бы Она призрела на нас бедствующих в волнах невидимого моря, даровала бы нам, мне и тебе, самоотвержением наследовать страну покаяния, соделалась бы нашим сокровищем, богатством неизмеримым и неисчислимым. — Позволь мне сделать тебе предложение: согласишься, чтобы за молчание, когда будешь мало-помалу вводить себя в навыковенное молчания, тебя сочли немного странным, сказали бы о твоей странности и то и другое. согласишься на это с великодушием: оно не будет противно воле Божией и уединит более твое сердце. Аще кто мнится мудр быти в веще сем, — заповедал Бог Своим апостолам, — буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3:18). Пишешь: «Дома у меня нет уединения, в храме оно часто нарушается... соединению мыслей мешает беспокойный помысл: за мною подглядывают». В Евангелии сказано: Назираху, да обрящут речь Нань (Лк. 6:7). За кем назираху? За Господом. Позволь, чтоб и за тобою назирали, примиришься с этим. Не отказывайся от чаши Христовой как в этом случае, так и во всех. Скажи себе: «С Христом так поступали, отчего же со мною не поступить так?» Земная жизнь наша коротка — точно обман: ее скорби, по самой вещи, ничего не значат; — имеют столько значения, сколько им даем его (знания). Смирение принесет в твое сердце мир, молитву, безмолвие. — Когда ты дома — думай, что ты с Ангелами; принося службу, обращаясь с ними, говори мысленно: «Ангелы Божии! примите служение от грешника». Сидишь ли за трапезой, за чаем, за рукоделием, говори себе: «Сподобляюсь быть с Ангелами Божиими». Любовь к ближнему в Боге приносит сердцу утешение от Бога, а это утешение уединяет человека в самом себе. Он любит ближнего и вместе мертв для него; сердце его погружается в безмолвие, которое — начало любви Божией. — Пишешь: «Не освобождаясь от тревожных ощущений сердца и волнений ума и принуждая себя к мысленному занятию, я только чувствую сильную головную боль и нервное расстройство». — Повторяю тебе, что все внешние волнения и тревоги должны быть побеждены внутренним деланием. Надо, чтобы с сердца началось обновление; сердце — корень. Аще корень свят, то и ветви (Рим. 11:16). Этот образ подвига установлен Самим Спасителем. Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, — сказал Он, — да будет и внешнее их чисто (Мф. 23:26). Придет тревога — отвергни мысли, приносящие ее, уйми волнение крови, принимая за верное, что всякая мысль, приносящая тревогу, — богопротивная, и опять продолжай молитвенное занятие. Во всех подвигах, в особенности же в молитве, требуется постоянство и терпение. Нетерпеливость сбивает нежный цвет ее, как иней и ветры сбивают цветы плодовых деревьев. В молитвах терпите, — сказал апостол (Кол. 4:2): это отличительное свойство упражнения молитвою. Сначала, вводя ум в молитву, приучая к ней, не держи его долго в ней, чтоб он не утомился излишне, но зато почаще вводи его в молитвенное занятие. Ах! Требуется понуждения это занятие! Не любит преступник — ум наш — темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; с насильем надо влечь его в темницу, в узы; без того не укротится, не возвратится к здравому смыслу беснующийся. В свое время, когда он укротится, сделается тих, как Ангел, — выйдет ему навстречу сердце со всеми душевными силами, как с чадами, со всеми телесными способностями, как с рабами, — и бывает мир дому тому, святой мир от Пресвятого Господа, праздник велий обновления и воскресения. — Головная боль — обыкновенный первоначальный спутник глубокого внимания слову Божию и молитве. Живо бо слово Божие, — говорит апостол, — и действенно, и острее паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным (Евр. 4:12). Не только у тебя она болит, не только болела у меня: болела она у святых отцов, — и они это поместили во своих

писаниях; говорит преподобный Григорий Синайский: «И рамены боля, и главою многажды болезнующа, терпи та притрудне и рачительне, взыскупя в сердце Господа». Бывает по временам от управления в молитве расслабление всего тела, пот, жар; всё это у начинающих; у преуспевающих молитва укрепляет, питает душу и тело. Но пот бывает и у них. Впрочем, тебе преподан самый легчайший способ внимания и молитвенного подвига, чуждый всякого трудного механического телесного упражнения, для которого необходима крепость здоровья. На мелочи, на все ощущения в теле обращай как можно меньше внимания, наблюдай, чтоб ум твой пребывал в покаянии и удалялся от развлечения. Надеюсь, что головные боли твои не будут долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. После того, когда они прошли, молитвенное занятие сделалось как бы более свойственным уму и более легким для него. Ты не требуй от ума твоего, при молитве, превышающего силы его, например, нерушимой полной нерассеянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говоря: «Господи! Ты видишь всю ветхость мою!» — и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не без цели сказано: Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову (Пс. 39:1-4). Во втором письме пишешь: Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя: иже помыслиша неправду в сердцах, весь день ополчаху брани: изостриша язык свой яко змиин: яд аспидов под устнами их. Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя, иже помыслиша запяты стопы моя (Пс. 139:1-4). Как ты думаешь, кто человек лукавый, муж неправедный, грешник, весь день ополчающий брани, с ядом аспидов под устами? — Это диавол. — Когда святой Давид проклинает врагов или, правильнее, устами его Дух Святой, то в этих случаях надо всегда разумеать духов нечистых, врагов рода человеческого, отнявших у нас рай, хотящих отнять дарованное нам Богом искупление и спасение. В Писании диавол иногда называется человеком. Так Спаситель назвал посеявшего плевелы между пшеницею врагом-человеком. Книга Псалтирь — возвышеннейшая духовная книга. В ней глубоко и подробно описан внутренний подвиг воина Христова. Часто употреблены преобразовательные тени и иносказания, дающие книге таинственность и темноту (не без причины на ней завеса!). Не надо принимать ее буквально — буквальное разумеание Писания убивает душу. Необходимо разумеание духовное: оно оживотворяет, поставяет на стези правые, святые. Дух Божий, заповедуя устами Давида совершенную ненависть к ненавидимым врагам душевным, научающий нас прибегать молитвою к Богу о сокрушении и истреблении их, — в то же время требует от нас любви ко врагам нашим — человекам, — требует прощения нанесенных нам обид от наших ближних, требует этого с заклинанием: Господи Боже мой, — молится Псалмопевец, — аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зла, да отпаду убо от враг моих тощ: да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит (Пс. 7:4-6). Здесь представлены две стороны, делающие зло: ближние, человеки, и диаволы. Дух Святой научает нас, что мщением, воздаянием ближнему зло за зло, — словами, или делами, или помыслами, — человек призывает на себя брань невидимого врага, поражение, низложение им, потерю благодати. Слава — благодать Духа. «Молящийся за человек, причиняющих обиды, — сказал преподобный Марк Подвижник, — сокрушает бесов, а препирающийся с первыми, сокрушается от вторых». Всё это и ты испытал самым опытом. Итак, отвергни все оправдания, которые все неправильны, потому что противоборствуют заповеди Божией; постарайся непременно стяжать любовь к врагам и, доколе не сможешь взять этой твердыни, укрепи брань, брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То есть молись за тех, от которых терпишь напасти, и исполняй заповеданное Господом, относительно врагов в конце 5-й главы Евангелия Матфея, — получишь непременно исцеление! В свое время начнет развеиваться знамя победы, знамя Креста Христова, на стенах твоего Иерусалима. Знай: Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое, может погубить душу. Так сказал святой апостол Петр о Посланиях святого апостола Павла, распространив это замечание и на прочие книги

Священного Писания (2 Пет. 3:16), что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному преобразований, теней, а потому и священной мрачности. Осторожно обходишь мечом обоюдоострым — Писанием. Святые отцы советуют новоначальным инокам более, чем в чтении Священного Писания, упражняться в чтении деятельных отеческих сочинений, в которых объяснены подробно иноческие подвиги и указан путь к правильному разумению Священного Писания, и ты последуй этому святому и спасительному совету отцов. По той же причине новоначальным полезнее для молитвословий читать акафисты и каноны, нежели Псалтирь. Но превосходнее всего, когда ум достигнет до того, чтобы ему вполне удовлетворяться молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. — Пишешь во втором письме: «Жажду, а не жду от себя ничего доброго, ниже совершенного чувства покаяния или смирения». — Покаяние — дивная благодать Божия, бесценный дар Божий, совокупность всех деланий иноческих. Инок воспитанный всеми частными деланиями, достигший значительной зрелости, оставляет многие оружия свои, облекается в одежду покаяния и в ней входит во внутреннюю клетвь свою. Когда он войдет туда и раздастся в ней благоухание священного кадила молитв сокрушенных и смиренных, тогда нисходит Дух к плачущей душе и благовествует ей мир от Бога. На всё есть свое время: Времена и лета положи Отец Небесный во власти Своей (Деян. 1:7). Ты не требуй от души своей излишнего; сиди при дверях покаяния с самоотвержением, как по всем отношениям вдовица, тем доказывай, что истинно желаешь смирения, от которого — покаяние; Податель того и другого — один Бог. — В прошедшем письме писал я тебе, как бороться с помыслами и возмущениями. Опять повторю: препояшься мечом, облекись во всеоружие. Не удостаивай врагов твоих не только беседы, ниже слова, ниже воззрения. Только что услышишь глас войны — вставай на сражение, возглашая твоим помышлениям и чувствованиям: Мужаймся и укрепимся о людех наших и о градах Бога нашего (2 Цар. 10:12). Глас войны — нарушение мира сердечного. Едва мир сердца начнет нарушаться, колебаться, — знай: идут иноплеменники. И вот тебе завет от Бога относительно поведения твоего с иноплеменниками: Избиеша я, пагубою погубиши я, да не завещаеша к ним завета, ниже да помилуеша их, ниже сватовства сотвориши с ними: дочери своя не даси сыну его, и дочери его да не поймеша сыну твоему: отвратит бо сына твоего от Мене, и послужит богом иным: и разгневается Господь гневом на вы, и потребит тя вскоре. Но сице да сотворите им: требища их разсыплете, и столпы их да сокрушите, и дубравы их да посечете, и ваяния богов их да сожжете огнем: яко люди святи есте Господеви Богу вашему: и вас избра Господь Бог ваш (Втор. 7:2-6). Сватовством и супружеством изображается здесь беседа с помыслами греховными, принятие, усвоение помыслов и ощущений греховных. Кумиры — предметы пристрастия, страсти, особенной привязанности; их должно сжечь огнем молитвы, огнем любви по Богу. Требища — своя воля, воля плоти и крови; столпы — оправдания; дубравы тенистые — плотской разум, которым заслоняется от нас Свет Божественный. Исполняли это повеление Божие истинные рабы Божии. Когда Давид завладел столицею аммонитян, Раввафом, взя, — говорит Писание, — венец Молхома царя их с главы его, талант злата вес его, и от камня драга, и бе на главе Давидове, и корысть изнесе из града многу зело: и люди сущия в нем изведе, и положи на пилы и на трезубы железны и секиры железны, и превождаше их сквозе пещь плинфяну. И тако сотвори всем градом сынов Аммоних. И возвратися Давид и весь Израиль во Иерусалим (2 Цар. 12:30, 31). Точно: славословие Бога, благодарение Богу за всё случающееся скорбное, предание себя всецело воле Божией, с отвержением своей воли, молитва за врагов, благословение врагов, как орудий Промысла Божия, — и прочие святыя делания: и пилы, и трезубы, и секиры, и пещь плинфяная для греховных помыслов и ощущений. Ум наш, — таинственный Давид, — царь и предводитель воинства израильтян, — помышлений и чувствований Богослужебных, когда возьмет град и грады иноплеменников; тогда возвращается во Иерусалим со всеми израильтянами своими, — в град мира (Иерусалим — значит «град мира»), откуда выводила его война с иноплеменниками. На главе его венец Малхома — разум деятельный; приобретенный им на брани с греховными начинаниями, — в ее подвигах, трудностях, несчастиях и торжествах; с

ним — корысть... многа зело — опыты драгоценные, могущие препитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и препитывать советующихся с ним. Талант весу в златом венце, приобретенном Давидом: тяжеловесен драгоценный разум деятельный; богатый опытностью, он не колеблется, не увлекается всяким являющимся уму помыслом, но с недоверчивостью рассматривает, испытывает его, хотя бы он и казался благим. Так Иисус Навин, военачальник израильский, вопрошал представшего внезапно пред ним неизвестного витязя, хотя то был Ангел: Наш ли еси, или от сопостат наших? (Нав. 5:13). Конец слова, заключенного в пределах совета: если случится пасть, победиться, увлечься, обмануться, согрешить пред Богом, — не предавайся унынию, малодушию. Тот же прообразовательный Ветхий Завет говорит: Сице да речеши ко Иоаву (вождю израильтян): да не будет зло пред очима твоима слово сие, яко овогда убо сице, овогда же инако поядает меч: укрепи брань (2 Цар. 11:25). Будь снисходителен к себе, не засуждай себя. При побеждениях прибегай к Богу с раскаянием, — и простится тебе побеждение твое: а ты снова за меч, и на сечу: Укрепи брань! — Упорною, постоянною войною возьми град! Господь пришел призвать грешников на покаяние, а не для праведников! Ты уподобляешь себя слепцу евангельскому, вопиющему вслед Спасителю и возбраняемому... Востани, держай: Божественный Учитель зовет тя... Вера твоя спасе тя (Мк. 10:49-52).

[Вернуться в начало>>>](#)

• Письмо 251.

К брату, занимающемуся умною молитвою. Руководство учеником есть служение ему ради Бога. Не должно иметь душевной привязанности и нежности к ближнему. Сердце, отрехшись беззакония своей воли, должно принять законы Евангелия. Истинное послушание — в уме и сердце, наружное поведение остаётся в полной свободе. Жизнь ради Бога на всяком месте бесценна. Христианство и монашество оскудело крайне, сохраняется внешнее благочестие. Сердце не должно быть жестоким от грубости и недостатка любви к ближнему, но не должно быть и плотски чувствительным. Предложение служить братии Словом Божиим.

На слова письма твоего: «Возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада» — ответ мой: «Приими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоём ко Христу». Так отвечать научает меня святой апостол Павел. Он написал коринфянам: Не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа: себе же самех рабов вам Иисуса (Господа) ради (2 Кор. 4:5). Не себя проповедую! Нет!.. Сохрани Боже!.. Пусть стою в стороне! Так стоять — извещается моему сердцу, приятно ему. Довольно, если указывая тебе на Мессию, сподоблюсь говорить: Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира (Ин. 1:29); второй человек Адам, Господь с небесе (1 Кор. 15:47). Облекохомся... во образ небеснаго, уже неведомо во младенчестве, облеченные в этот образ Крещением, разоблаченные жительством нерадивым, — облечемся снова покаянием и жительством по евангельским заповедям. Исполним слова Господа, Который повелел ученикам Своим: Не нарицайтесь учителя: отца не зовите на земли, ниже нарицайтесь наставницы; вси же вы братия есте (Мф. 23:8-10). Соблюдём взаимную мертвость, говоря друг о друге Богу: «Твое Тебе, и да пребывает Твоим!» Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевною глупою привязанностию, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая — ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная. Истинное послушание — послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берёт себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут — люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение — оружие, молитва — стена, непорочная слеза — умывальница, а блаженное послушание — исповедничество, без которого

никто из страстных не узрит Господа» (Степень 4). Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, его сеть! Не будите раби человеком (1 Кор. 7:23), — завещавает апостол. Пребывание твое с родителем твоим по плоти, служение ему, разумеется, должно остаться, как оно теперь есть. Заповедано инокам удаление от родителей, когда родители влекут в мир, отвлекают от Христа; но, когда они содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, — нуждаются в руке нашей, — тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям, одобрены и похвалены святыми отцами. (Кассиан Римлянин): Всё духовное преуспеяние заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов, правильнее, беззакония своей воли, приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им. Истинное послушание — в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: Да продаст ризу свою и купит нож. Риза — нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови. Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспеянии, оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твое всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель Богоугождения. Да благословит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этой целью! Господня земля и исполнение ея; на всяком месте владычества Его. Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти (Пс. 23:1; Пс. 102:22; 2 Кор. 5:9). Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности, а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна. — Начну же говорить недосказанное в прежних письмах... Ты не совсем угадал, — что мною было недосказано!.. Приехав к вам в обитель, увидев тебя, я тотчас ощутил, что тут — не твое место; сердце мое было недовольно, что ты тут. Но сказать тебе это я был не вправе до сей минуты, когда ты дал мне право на откровенность, завоевав ее своим самоотвержением. — Странник обязан приносить мир всюду, куда он ни входит, и оставлять мир. — Нужно тебе место и настоятель, которые бы доставили, — не намеренно, по договору, но по естественному общему ходу, — свободу уму твоему идти по пути, который Бог благоволил указать ему. Бог да благословит твое намерение и да дарует привести его в исполнение к душевной твоей пользе и к успокоению страждущего родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, нетерпеливо, часто моля Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испытал, каково кинуться в воду не измерив наперед броду. И не позволяй себе при твоем исшествии никаких поступков и слов, которыми было бы оскорблено, нарушено святое смирение. Молчание лучше слов. Выдь, как непотребный и грешный, от честных и святых. Тогда рука Божия будет с тобою, рука, которая ведет и поддерживает смиренных, карает и сокрушает гордых. Желаю, чтобы всюду поведением твоим благовествовалось Евангелие! Этого желаю непременно! Здесь являю власть ради Бога: окажи послушание ради Бога. Думаю: при избрании нового места надо иметь тебе в виду, чтоб однажды в год или, по крайней мере, в два года можно было тебе иметь личное со мною свидание и беседу. Так делают некоторые иноки, по обстоятельствам живущие в других обителях, а по извещению сердечному руководствующиися моими советами. Скучность в духовных сведениях, которую я увидел в обители вашей, поразила меня! Но где, в каком монастыре и не поражала она? Светские люди, заимствующие окормление духовное в Сергиевой Пустыне, имеют сведения несравненно бóльшие и определительные, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живем в трудное время! Оскуде преподобный от земли, умалишася правды от сынов человеческих! Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать. Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всём, что ни предпримешь с благою целию, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения; благословляю призыванием благословения Божия. Для соображения нужно тебе иметь понятие о моих обстоятельствах. Я на них кивнул головой,

махнул рукой! Да будет со мною, как угодно Богу! Рассматривая состояние и потребности души моей, я признавал нужным мне безмолвие, глубокое безмолвие, вне всякой внешней земной должности, служа ближним служением слова. Прошлой зимой я думал видеть указание воли Божией к уединению в крайней болезненности моей и прочих обстоятельствах. С молитвою не моя, но Твоя воля да будет подал я просьбу об увольнении меня моему начальству и письмо о том же Государю Императору. Сначала дело наклонялось к увольнению меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявил мне свое желание, чтоб я возвратился в Сергиеву Пустыню, — и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Но ин суд человеческий, ин Божий. Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожаление о болезни моей: этим угодил мне! Вижу, что из тебя будет толк! Не люблю жестокого сердца от грубости, от недостатка любви к ближнему; но не люблю и плотски чувствительного, тающего в нежностях... Знаешь ли, что нежность лукава?.. Я по природе с сильным чувствительным сердцем, как и ты; потому не охотник позволять сердцу моему расслабление нежностью. Евангелие научило меня, что сердце слабое не способно к христианским добродетелям, что нужно его скрепить верою, самоотвержением, сделать героем при посредстве внутренних борений и побед... Победы делают сердце героем!.. За победы нисходит в него святая вера, живая вера, сильная вера!.. Насади и воспитай в себе мертвость ко мне.

Что бы неприятное ты ни услышал о мне, говори: «Однажды навсегда я отдал его Богу — и отдаю: да совершается над ним воля Божия». — В последней статье письма твоего говоришь: «О, если бы я мог служить вам в виде домашнего животного всяким родом службы, какой только доступен мне». — С приятною улыбкою на устах и в сердце отвечаю: кажется, твое желание исполнит Бог. Он так и устроил, чтоб тебе быть в одном деле со мною... Не помню, с которого времени, — а очень, очень давно — мне особенно нравились слова апостолов: Не угодно есть нам, оставльшим слово Божие, служитьи трапезам... мы в молитве и служении слова пребудем (Деян. 6:2, 4). Служение братии словом Божиим!.. Какую восхитительною, насладительною картиною представлялось очам души моей это служение!.. «Ни один наш дар, — сказал святой Иоанн Лествичник, — столько не благоприятен Богу, как приношение Ему словесной души покаянием. Весь видимый мир не равночестен одной душе; он преходит, а она нетленна и пребывает вовеки». Что же? — Бесконечно Милосердый Бог подал мне в руки это служение! — не только подал мне в руки, но и извещает многим душам искать от меня этого служения! Теперь всё время мое взято этим служением. Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих! — иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берегу Волхва, иная с берегу Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из Дворца Царского. Душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в Слове Божиим, везде падение гнетет ее, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, — оставляю некоторые книги, которые могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением. От служения слову раздаётся в душе моей какой-то неизреченно радостный голос удостоверения в спасении... Твой жребий: принять участие в моем служении и ту мзду Духа, которая будет выдана по несказанной милости Божией за это служение, разделить со мною. Удовлетворен ли ты?.. Несколько времени, как стала мне приходиться мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устройении способна правильно, полно ощутить, — потому удовлетворительно, определительно выразить. Но решение этого дела — до личного свидания. О нём надо много, основательно потолковать. — Пишешь, что тонкий помысл тебе внушает искать собственно «моего» учения. Вижу: такое твое призвание. По вере твоей да будет тебе. И я тебе этого желаю: да дарует тебе Бог наследовать верою сокровище духовное. — Наконец,

прими мое поздравление: приветствую тебя со вступлением в правильный род иноческой жизни от которого получишь систематическое духовное воспитание. Такое воспитание — неоцененное благо; доставляемое им устройство душевное далеко отстоит от устройства, хотя и похвального, но приобретаемого самоучкою, в жительстве самочинном. Осяжи сердце твое! Не раздастся ли в нём чувство легкости, свободы, радости, извещения? Такие бывают ощущения в душе, когда она получит дар свыше. Так получил его, принял рукою веры. Начинай, Израиль, наследовать землю обетованную! (Втор. 2:31) Христос с тобою!

[Вернуться в начало>>>](#)

• Письмо 254.

К тому же. Описание одного сновидения, о голосе своего сердца, необходимости одиночества, телесном и душевном подвигах

2-го декабря получил я письмо твое; а на 30 ноября видел тебя во сне. И вот — какой был сон мой: вижу — в руках моих какая-то вновь изданная книга, похожая форматом на посланную тебе мною «Стихотворения святого Григория Богослова», только печать ее покрупнее, — как бы печать брошюрки «Валаамский монастырь». Холодно, без внимания перебираю листы книги, — останавливаюсь на какой-то статье, узнаю: это твои новые сочинения, существующие в моем предчувствии! — много тут мыслей, целых тирад из нашей переписки. С сердечным интересом и утешением начинаю рассматривать, читать книгу; в ней всё мне так нравится! Вдруг предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, как бы живая, — с движением! Смотрю: ваш монастырь; пред ним тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты в послушническом подряснике, с шапочкой на голове. Навстречу тебе от монастыря едет на коне Божия Матерь, подобно тому, как Господь, Сын Ее, въезжал в Иерусалим на жребяти осли. Поравнявшись с тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась к тебе, благословила тебя, говорит так милостиво, свято, мирно: «Ты будешь жить в...; тебе здесь не утешиться». При этом разлилась в сердце моем необыкновенная приятность; от сильного ее действия я проснулся — и чувствую: та же приятность, которую ощущал я во сне, сладит душу мою наяву. Где тебе жить ускользнуло от слуха моего... в вере!! — но что ты под кровом и попечением Божией Матери, меня несказанно радует. Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое Его. В этом сне мне всё — по мысли. Сущность его: слова кротчайшие и милостивейшие Богоматери. Ими не осужден монастырь, не осужден и ты: всё покрыто Божественным снисхождением. Чудно и мудро ускользнуло от слуха название места, определенного тебе в жительство. Этим умолчанием оставляется сердце в свободе. Весь сон — только утешает. Милость Божия посетила тебя в день приобщения Христовых Таин. Его было истинное утешение, утешение начальное, объемлющее поверхность ума; дальнейшие утешения, которые тебя ожидают по благости Божией, будут гораздо глубже. Понял ли ты, как оно уняло кровь, какое расстояние между им и кровавым восторгом, которым жалко тешат себя самообольщенные? Вкушение утешения начнет мало-помалу просвещать ум твой познанием Божественным. От вкушения — просвещение и разум духовный: Вкусите и видите, яко благ Господь, — говорит Писание. Ты хранишь мою тайну, и храни ее: этим дашь свободу моему сердцу быть откровенным с тобою, вполне свободным; — с другими открывается соразмерно им. Родство по плоти не имеет никаких прав на связи и отношения духовные, — разве сделается достойным, породнившись о Господе Духом. Оставляй меня таким, каким мне велит быть сердце мое. В откровенности моей пред тобою нет ничего премудрого и разумного, — одно, дерзаю сказать, — невинное, утешительное в Боге. С этою откровенностью говорю следующее: хотя я весь погружен в страстях, но молил Бога, признавая эту молитву сообразною воле Божией: «Господи! Даруй Леониду ощутить духовное утешение, чтоб вера его соделалась верою живою, — верою от извещения сердечного, не от одного слуха». Как и ты — я

слаб на язык; непрестанно падаю им, хотя непрестанно более и более убеждаюсь в достоинстве молчания. По этой слабости недели две тому назад повторил С.: «Слышу сердцем моим, как в Леониде действует утешение». Получив письмо твое, я показал ему те твои строки, в которых написано о утешении, чтоб он и этот случай приложил к прочим своим опытам, полезным для души его. Храни утешение и не позволяй уму твоему вдаваться в мечтания. Утешение сперва действует на ум, обновляя мысли; а он, почувствовав оживление, охотно вдается по неопытности своей в мечтательность, и в ней бесплодно и безрассудно истощает дарованную ему сладость. Сказывает ли тебе это сердце твое? Ведь — оно говорит, только мы не вдруг навикаем расслушивать голос его. При утешении вдавайся более в благодарение, в молитву и самоукорение; утешение будет возрастать и возрастать. Я желал для тебя, чтоб ты был причастником блаженной трапезы утешения духовного: вкусивший ее соделывается мертвым для мира, стяживает особенную силу к совершению пути духовного. Так, святой пророк Илия, по вкушении пищи, принесенной ему Ангелом Господним, иде в крепости яди тоя четыредесят дней и четыредесят ночей до горы Божия Хорив (3 Цар. 19:8), там сподобился сперва явственнейшей беседы с Господом, а потом и совершеннейшего Боговидения во глазе хлада тонка (там же, 12). Эти утешения — таинственная манна, названная в Писании хлебом небесным (Пс. 77:24), препитывающая новых израильтян — христиан — во время путешествия их по пустыне — во время странствования земного. Эти утешения — манна сокровенная (Откр. 2:17) Апокалипсиса, о которой сказал явившийся Иоанну Богослову Сын Божий: Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя. Она — точно сокровенная: незрима человеками; ее видит подающий Бог — видит невидимо, видит ощущением приемлющий раб Божий. Таковой раб Божий, пребывая во множестве людей, пребывает один с Единым Богом, видимый и невидимый, знаемый и никому не ведомый. Теперь скажи: хорошо ли быть одним? Теперь скажи: каков тот приговор, которым я на тебя грянул: «Ты должен быть один»? Приговор смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда же вкусишь жизнь, — смерть нипочем! Так ли, герой?.. Трапеза духовного утешения — как пища и вместе как отрава! Кто вкусит ее, — теряет живое чувство ко всему вожделенному мирскому. Всё, многоуважаемое миром, начинает казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною. Очень приятно мне, что спутником твоим приходится быть Н. — Расположение к тебе этого старца — дар Божий. Дары Божий надо содержать в чистоте. Пойми: Христос — Законоположитель любви — заповедал отречение не от любви, а от пристрастия, этого недуга, искажения любви. Имей любовь ко всем, в особенности к рабам Божиим; а пристрастие врачуй, ограждайся от него отречением от твари — от меня и от всякой другой — преданием твари Творцу. Не усвой себе тварь; приноси свою свободу в жертву Единому Богу. При таком самоотвержении и отречении от всего или во всём от самости, возьмешь иметь духовную любовь ко всякому ближнему, возьмешь иметь много и многих — Богом, в Боге — и вместе пребывать в нестяжании и бесстрастии, в священном безмолвии и уединении о Господе. В молитвенном подвиге будь свободен. Поступай, как привык поступать; вкушай то, что тебе по вкусу и что тебя питает, удовлетворяет. Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, т.е. чтоб они произносимы были со вниманием и страхом Божиим. Дальнейшее покажут время и состояние души твоей. Леонид! Ты счастливее меня! Завидую тебе! Когда я поступил в монастырь, — ни от кого не слыхал ничего основательного, определительного. Бьюсь двадцать лет как рыба об лед! Теперь вижу несколько делание иноческое; но со всех сторон меня удерживают, не впускают в него... Живем в ужасное время: в преддвериях развязки всему. Прочитай книгу «Цветник». Там много сказано о телесных подвигах; в них явлено самоотвержение, что вполне справедливо, истинно. Книга эта для преуспевших уже иноков; это увидишь, это говорит и сам писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумаге, а не на живых скрижалях, имеет много мертвости: не применяется к читающему ее человеку! Потому-то живая книга — бесценна! Тебе надо умеренною наружною жизнью сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок

и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника. Плоть и кровь не в плоти и крови собственно, а в плотском мудровании. Оно поставляет душу под влияние, власть плоти и крови, а плоть и кровь под полную власть и управление греха. И тела святых имели плоть и кровь, но свергнувшие ярем греха мудрованием духовным, вступившие под управление и влияние Святого Духа. Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: всё должны выработать умом; у них душа, само по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за оружия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным или одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный, — совершенно бесплоден, — более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит к высоте мнение о себе как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него надо начинать общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременному упражнению и укоснению в нём, начинают понимать умственный подвиг, который непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник — как дерево без плодов, с одними листьями. Мне и тебе нужен другой путь: относительно тела — нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Всё внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть выправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержателями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие, сильные существенно необходимые ему оружия — и потерпеть безмерный ущерб. Говорю тебе испытанное на самом деле, познанное на горьких опытах. Когда я был юношею, — всё это говорило мне сердце мое, — не так ясно, не определительно, — но говорило. Другого голоса, другого свидетеля, который бы подтвердил, объяснял свидетельство сердца, — не было. И не устоял, не поддержанный никем, глагол моего сердца пред умом моим! Не умел я слушать моего сердца! Страшным, опасным казалось мне слушать его! Тонок, таинствен его голос!.. Старцы, общею молвою прославленные, как одаренные духовным рассуждением, говорили другое, издавали другое мнение об этих предметах, не так, как я понимал и видел их. Всегда я себе не верил: мысль слабая, увертка ума в другом казалась мне предпочтительнее моей мысли, прямой и сильной. Много времени протекло в таком состоянии; не много лет, как я отказался, освобожден от последования мнениям других; встречаю приходящее к уму моему мнение человека и книги не как страннolюбец гостеприимный и приветливый, но как строгий судия, как привратник, хранитель чертога, облеченный в этот сан милостию Всемилостивого Бога моего, после бесчисленных, смертных долговременных язв и страданий. В этом сане привратника стою — у врат души твоей. Мое — твое. Мне данное туне после лютых ударов ты взял туне верою, Христа — подающей. Ему Единому слава! Аминь.

[Вернуться в начало>>>](#)

• **Письмо 255.**

К брату, занимающемуся умною молитвою. О смешении в людях добра со злом, «определительности», сочинения, написанные из «мнения»

Мир тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее

положение. Будь спокоен: всё совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно многими скорбями вникнуть в Царствие Божие, которому должно «пройти сквозь огонь и воду и введenu бысть в покой», которому сердцу предназначено «возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его». При утешениях — за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, необыкновенной тишины его, в какой-то холодной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень — постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных и передаваемых нам Евангелием. В характер облакает Дух Святой, при производимых Им утешениях, служителя Христова, снимая с души его одежду Ветхого Адама, облакая душу в одежду Нового Адама, и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание вполне таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращайся — явится ли оно очам телесным или воображению... Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святине и чистоте путем... умерщвления чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою — страну Духа — строят сперва «образы», т.е. впечатления видимого мира, а потом мнения, т.е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений — душевный разум, не приемлющие веры, неспособные к живой вере, являемой делами, вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Истины. Потому-то нужно умерщвление и воображения и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть? Эту прелесть Писание называет лжеименным разумом (1 Тим. 6:20), т.е. произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть «знание», знание от видения, видение — действие Святого Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «мы приняли так понимать», т.е. составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение — прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от нестяжательности, от кровяных движений, от чувств — словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обнявшей всего человека, все части его, всё существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с чрезвычайною правильностью: самоотвержением, ненавидением, погублением души своей и прочее. Выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро, — небо; на земле — смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра преобладают количество зла, — оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. Работайте Господеви, — завещает пророк, — со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом. Отвергай с тихостию, как бы отказываясь, как недостойный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света ли или какого святого и Ангела, самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твой единственно внимающим словам молитвы, безвидным, незапечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), не занятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас — ничтожество, небытие; ведь всё, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое, всё получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах; но исказить

свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется, смерть душевную! Телесная пред душевной малозначительна, результат ее; и была бы еще отрадою, если бы не давала большего развития вечно существующей смерти душевной). Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя всё свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумершвлённого проникает Дух и, как Создатель, дарует ему пакибытие. Когда действия чисто духовные умножаются в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца. Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клетки просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. Несколько раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания»; неопределительность — непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение знания в себе мыслями, для других — словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир — свидетель истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения: ода «Бог», преложения псалмов все, начиная с преложения Симеона Полоцкого, преложения из Иова Ломоносова, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены «кровяным движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содействуемого «духовным действием», т.е. действием Духа. Вот! Этого-то хочется мне дожидаться от тебя! Оду «Бог», слышал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало, читает, и слюна брызжет на всех и всё, как картечь из крупнокалиберного единорога... Приличное чтение после сытного обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови — и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уже лучше прочесть, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн»: там светские поэты говорят о своем — и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия не воспевать песни Господней на реках Вавилонских. Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен, и со спокойствием, с душевной беспопечительностью предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подаст тебе Податель всех благ видимых и невидимых, Христос!